

Ничья

ДО РАССВЕТА

КЭТРИН РЕЙН

16+

Кэтрин Рэйн

Ничья до рассвета

<https://litres.ru/74151394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет меня считали ничьей. Лишней. Ненужной.

Пока однажды на рассвете за мной не пришёл он.

Дамиан. Альфа. Зверь, перед которым дрожат враги. И единственный, кто клянётся, что я — его. Его истинная. Его пара. Его — навсегда.

Меня тянет к нему, как мотылька на пламя. Но чем ближе я подхожу, тем яснее понимаю: за моей кровью охотятся куда более страшные чудовища, чем я могла вообразить.

Смогу ли я устоять перед ним? И останусь ли жива, если не устою?

Кэтрин Рэйн

Ничья до рассвета

НИЧЬЯ ДО РАССВЕТА

Остросузетный любовный роман · Оборотни · 18+

Глава 1. Одно раннее утро

Мне пришлось повзрослеть слишком рано. Не то чтобы у меня был выбор.

Есть дети, которых любят. Я видела таких — в школе, во дворе, в рекламе стирального порошка, где мама целует ребёнка в макушку и всё вокруг пахнет солнцем и свежим бельём. Я знала, что так бывает. Я просто не знала, каково это.

Меня не любил никто. Это не жалоба — я давно перестала жаловаться, толку ноль. Это просто факт, такой же, как то, что зимой темнеет в четыре и что за квартиру вечно нечем платить. Девчонка, которая оказалась не нужна. Одна в большом городе, где на каждом шагу тебя поджидает какая-нибудь дрянь, и вся защита — это ты сама.

Хотелось ли мне родиться в нормальной семье? Не то слово. Каждое утро, открывая глаза, я мысленно проклинала всё на свете за то, что вообще появилась на этот свет. Особенно этот конкретный свет — двухкомнатную квартиру на окраине, где вечно воняло перегаром и куревом, где дым, кажется,

въялся в сами стены.

Мои родители пили. Не «выпивали по праздникам» — пили так, как это делают всерьёз, каждый божий день, до крика, до битой посуды, до утренней тишины, которая страшнее любого крика. Скандалы стали фоном, как гул холодильника. Я научилась спать под них.

Работать они, считай, не работали. Жили на пособие да на редкие подачки, которые где-то удавалось урвать, — и стоило деньгам появиться в доме, как всё тут же уходило в загул. Про счета, про работу, про то, что в квартире есть ребёнок, в такие дни забывалось напрочь: гуляли, пока не кончалась последняя купюра, а потом снова садились ждать пособия. На меня денег не тратили уже так давно, что я и не помнила, когда мне в последний раз что-то покупали. Ни одежду, ни еду сверх макарон, ни тем более просто так.

Так что выживать я научилась сама, лет с десяти. Соседка снизу, тётя Валя, иногда отдавала мне вещи, из которых вырастали её дети, — я донашивала чужие куртки и не гордилась и не стыдилась, просто носила. А что не перепало — то добывала подработкой: разносила листовки, мыла подъезды, летом таскала ящики на овощебазе, где не спрашивали ни паспорта, ни возраста. Первые нормальные кроссовки я купила себе в четырнадцать на свои. И это, пожалуй, было единственное, чем я по-настоящему гордилась.

Хуже было, когда приходили гости.

Их «друзья» — мужики с мутными глазами и громким

смехом, от которого хотелось стать невидимой. Они напивались до того состояния, когда человек забывает, что перед ним ребёнок. Шутки, которые я не хотела понимать. Взгляды, от которых по спине шёл холод. Один особенно — толстый, с масляными глазами, — всё норовил усадить меня «поближе». Я быстро выучила науку выживания: уходить из дома раньше, чем соберётся компания. Возвращаться позже, чем они вырубятся. А если застряла — подпирать дверь своей комнаты стулом и не выходить, что бы там ни орали.

Спасала только полиция. Кто-нибудь из соседей, не выдержав шума, вызывал наряд. Но родители — тут им не откажешь в таланте — каждый раз как-то договаривались. Ни штрафа, ни протокола. Наряд уезжал, дверь захлопывалась, и всё начиналось по новой. Так шло изо дня в день, из года в год.

Иногда, глядя на них — на отца с его вечно красным лицом, на мать с потухшими глазами, — я ловила себя на дикой мысли: как я вообще из них получилась? Ничего общего. Ни лица, ни характера, ни этой их покорности жизни. Я гнала эту мысль. Что за глупости. От кого ж мне ещё было взяться.

Школа была не лучше, но там хотя бы кормили и было тепло. Училась я так себе — тройки, четвёрки. Зато честные, свои, не выпрошенные. С такими оценками аттестат мне светил без проблем, если бы не одна деталь. Постоянные вызовы к директору. За что, спросите? А за то, что девчонка лезет в драку. Да не с девчонками — с пацанами. Причём со

старшими.

Я не искала драк. Просто у меня рано выработалось правило: кто первый прогнётся, того и топчут. А прогибаться мне было негде — дома этого добра хватало. Так что, когда какой-нибудь одиннадцатиклассник решал, что можно толкнуть мелкую и заржать, он получал в ответ так, что переставал ржать. Синяки заживали. Уважение — нет, но хотя бы боялись.

Мне только-только исполнилось восемнадцать. По документам — взрослая. По жизни — давно.

И я твёрдо знала одно: как только закончу школу, я исчезну из этой квартиры и больше никогда, слышите, никогда сюда не вернусь.

Я не знала только, что до этого «никогда» оставалось меньше суток.

Всё изменилось одним ранним утром.

Я слышу сквозь сон какие-то звуки. Возню, шаги, приглушённые голоса. Родители опять за своё? Странно — рано вроде для очередной пьянки. Обычно к тому времени, как они разгоняются, я уже успеваю смыться в школу, а они дрыхнут после вчерашнего. Или это я проспала?

Открываю глаза, тяжёлые, будто песком засыпанные. Тянусь к телефону, щурюсь на экран.

5:45.

Ещё же ночь считай. Кто в своём уме...

А шум за дверью не унимается — наоборот, растёт. Я при-

поднимаюсь на локте, прислушиваюсь. Голос матери, злой и испуганный одновременно. Голос отца — глухой, оправдывающийся, я такого у него никогда не слышала. Он ни перед кем не оправдывается. И третий голос.

Мужской. Незнакомый.

Низкий, ровный, без единой пьяной нотки — и оттого страшный, потому что все, кто приходил в этот дом, приходили пьяными. А этот был трезвый как стекло. Он говорил тихо, но каждое слово будто вдавливало родителей в пол.

Я замерла под одеялом, боясь дышать. Слов было толком не разобрать — только обрывки сквозь дверь.

— ...столько лет прятать... — это чужой.

— Мы не знали! Клянусь, мы не знали, что она... — мать, почти визгом.

— Знали. — Голос мужчины не повысился ни на тон, и от этого спокойствия у меня волосы на руках встали дыбом. — Вы всё знали. И то, чья она. И то, что за ней придут.

Чья она.

За кем придут.

Сердце заколотилось где-то в горле. Они что, обо мне? Не может быть. Про кого ещё «она» в этой квартире, кроме меня. Но это же бред. У меня нет никаких тайн, кроме синяков под рубашкой. Я просто девчонка, которая хочет свалить отсюда и жить нормально.

— Да забирайте вы её! — не выдержал вдруг отец, и голос его сорвался почти на визг. Ничего отцовского в нём не было

— один голый страх за собственную шкуру. — Забирайте и уходите, только нас не трогайте, слышите?! Одни проблемы от неё, скатертью дорога. Мы будем молчать, клянусь, — ни слова никому, никогда!

Я перестала дышать.

Забирайте её.

Так просто. Так легко. Будто речь шла не о человеке, а о старом хламе, который выносят на помойку, лишь бы освободить угол.

— «Скатертью дорога», — тихо повторил незнакомец, и от его спокойствия у меня мороз пошёл по коже сильнее, чем от любого крика. — Вы даже сейчас не понимаете, кого готовы отдать первому, кто постучал в дверь.

Пол под моими босыми ногами был ледяной. Я и не заметила, как встала. Подошла к двери — тихо, как научилась ходить в этом доме, чтобы половицы не выдали. Прижала ухо к холодному дереву.

И в этот момент за дверью всё стихло.

Совсем. Ни голосов, ни возни. Только моё собственное сердце грохотало так, что, казалось, его слышно на весь подъезд.

А потом — тихий-тихий скрип. Кто-то шёл по коридору. К моей комнате.

Медленно.

Уверенно.

Я отшатнулась от двери. Стул. Где мой стул. Руки затряс-

лись, я схватила спинку, чтобы подпереть ручку, как делала сотни раз, — и застыла.

Потому что этот человек уже стоял под дверью. Я чувствовала его. Не слышала — чувствовала, как животное чувствует хищника: кожей, затылком, всем нутром. Тонкая деревянная створка вдруг показалась мне бумажной.

Ручка медленно повернулась.

— Не бойся, — сказал голос по ту сторону. Тихо. Почти мягко. — Я не за тем, чтобы причинить тебе вред.

Я не издала ни звука.

— Я знаю, ты не спишь, — продолжил он. — Слышу, как бьётся твоё сердце. — Пауза. — И знаю, что ты давно хотела уйти из этого дома.

Как. Откуда он это знает.

— Открой дверь, Вероника, — сказал незнакомец. — Нам с тобой очень много о чём нужно поговорить. И времени у нас куда меньше, чем тебе кажется.

Он назвал меня по имени.

А я его — впервые в жизни — видела только через закрытую дверь и уже знала: с той секунды, как я эту дверь открою, прежней жизни не будет.

Я взялась за ручку.

Глава 2. То, за чем я пришёл

Дамиан

Я не должен был ехать сам.

Альфа не бегают по чужим норам на рассвете — для этого есть Рэй, есть патруль, есть десяток волков, которые сделают грязную работу и не запачкают ни меня, ни имя стаи. Так правильно. Так я жил тридцать один год.

Но когда следопыты принесли то, что нашли, я не смог усидеть.

Старая кровь. Запах, которого не должно было остаться в этом мире, — тонкий, почти выветрившийся, но безошибочный, вплетённый в след одной-единственной девчонки с городской окраины. Кровь линии, которую вырезали ещё до моего рождения. Кровь, за которую Каррен перегрызёт глотку любому, кто дотянется до неё первым.

Вот я и дотянулся первым. Сам. Потому что такое не доверяют никому.

Квартира воняла, едва я поднялся на этаж. Перегар, дым, невытая тоска — запах жизни, которую люди сами себе устраивают, а потом удивляются, почему тонут. Дверь открыли на второй стук. Двое: мужчина с лицом цвета сырого мяса и женщина, у которой глаза давно перестали что-либо выражать.

Их страх я почувал раньше, чем они меня разглядели. Люди всегда чувят, когда в дом входит хищник, даже если не понимают, что именно вошло.

Разговор был короткий и мерзкий. Они ввали — привычно, жалко. «Мы не знали, что она...» Знали. Может, не понимали до конца, во что вляпались, но знали, что девчонка

не их, что взяли её не по-людски и держали не из любви. Я слышал это в дрожи их голосов. Восемнадцать лет прятать под своей вонючей крышей то, что искали многие. Восемнадцать лет — и хоть бы раз погладили по голове.

Что-то тёмное поднялось у меня в груди, когда отец, трясясь, выпалил: забирайте её, только нас не трогайте. Даже не спросил, кто я и зачем пришёл. Готов был отдать ребёнка первому встречному в дверях — лишь бы спасти собственную шкуру. Мне не нужны были ни их деньги, ни их клятвы молчать. Мне хотелось разложить эту квартирку по кирпичику вместе с её хозяевами. Странное чувство — я ещё не видел девчонку, а уже злился за неё. Тогда я не придумал этому значения. Списал на отвращение.

Дурак.

Я пошёл по коридору к её двери. И вот тут всё пошло не так.

Сначала — сердце. Я услышал, как оно бьётся за тонкой створкой: быстро, загнанно, но не сдаваясь. Не так стучит сердце жертвы, которая смирилась. Так стучит у того, кто готов драться, даже когда шансов нет. Что-то во мне отозвалось на этот стук раньше, чем я успел подумать.

Потом — запах.

И мир кончился.

Он ударил из-под двери — тёплый, живой, с горчинкой и с той самой старой кровью в основе, но теперь уже не как след, не как задание. Как *зов*. Он прошёл сквозь меня насквозь,

вышиб воздух из лёгких, поставил зверя на дыбы одним движением. Всё, что во мне было выстроено годами, — холод, расчёт, броня альфы, — всё это осыпалось в одну секунду, как труха.

Моя.

Слово пришло не из головы. Из крови, из кости, из той древней тьмы, что старше речи. Я стоял под чужой дверью, в чужом подъезде, и не мог сдвинуться с места, потому что за этим тонким деревом было единственное во всём мире существо, ради которого я, кажется, готов был сжечь всё остальное.

Истинная.

За тридцать один год я почти перестал верить, что это со мной случится. Пары находят единицы. Я давно решил, что мне такого не выпадет, — и, честно, был рад. Пара — это слабость. Пара — это то, что у тебя можно отнять, а у меня и без того слишком многое хотят отнять.

И вот теперь она стояла в полуметре от меня. Восемнадцатилетняя. Человеческая — на вид. Дочь линии, которую жаждет Каррен. Слабая, никем не любленная, не знающая, что она такое.

Худшего варианта судьба придумать не могла.

— Не бойся, — сказал я. Голос вышел ровным, я сам удивился. Внутри всё горело. — Я не за тем, чтобы причинить тебе вред.

Тишина за дверью. Но я слышал её — каждый вдох, каж-

дый удар сердца, скрип половицы под босой ногой.

— Я знаю, ты не спишь, — продолжил я. Мне нужно было, чтобы она открыла. Не по долгу стаи уже — по чему-то куда более себялюбивому. Мне нужно было её увидеть. — Слышу, как бьётся твоё сердце. И знаю, что ты давно хотела уйти из этого дома.

Она молчала, но я чувствовал: слушает. Взвешивает. Умная.

— Открой дверь, Вероника, — сказал я, и её имя легло на язык так, будто я произносил его всю жизнь. — Нам с тобой очень много о чём нужно поговорить. И времени у нас куда меньше, чем тебе кажется.

Про время я не врал. Если мои следопыты нашли её за одну ночь, то и люди Каррена дышат ей в затылок. Может, они уже в городе. Может, ждут внизу.

За дверью что-то дрогнуло. Я услышал, как её пальцы легли на ручку с той стороны, — и замер, как последний мальчишка, боясь спугнуть.

Ручка едва заметно качнулась. Сейчас. Сейчас она откроет — и я увижу лицо, которое уже ношу под кожей.

А потом звук изменился.

Пальцы соскользнули с ручки. Тихий шаг назад. Ещё один. Сердце её колотилось уже не от страха — от чего-то упрямого, отчаянного, и билось всё дальше, всё глуше, будто она отступала не на шаг, а на целую жизнь.

Она уходила.

— Вероника. — Голос сорвался — впервые за много лет.
— Не надо.

Но тёплая нить её запаха уже качнулась, поплыла куда-то в сторону, вниз, наружу — и начала гаснуть, как гаснет дыхание на морозе. Скрип. Порыв холодного воздуха из-под двери. Стук сердца, удаляющийся так быстро, что у меня в груди всё оборвалось.

Она ускользала. Из-под самых моих пальцев.

И тогда во мне сорвалось всё разом. Зверь, человек, альфа — всё, что тридцать один год держало меня в узде. Я перестал быть вежливым гостем под чужой дверью.

Я ударил.

Не плечом — силой. Той самой, что валит вековые сосны и выворачивает из земли камень. Замок, петли, тонкое дерево — всё это перестало существовать под моей ладонью с сухим оглушительным треском. Дверь влетела внутрь, сорвавшись с креплений.

Я шагнул через порог.

И застыл на месте.

* * *

Слова автора.

А теперь оставим его — там, на пороге распахнутой двери, в первое мгновение того, что он увидел (или чего не увидел) в этой комнате. Мы вернёмся к нему совсем скоро.

Но чтобы понять, что произошло, нужно перемотать несколько минут назад — на другую сторону той же двери.

Туда, где босая восемнадцатилетняя девочка только что протянула руку к дешёвой металлической ручке и ещё не знала, что этим движением решает не только свою судьбу.

Глава 3. Другая сторона двери

Вероника

Я взялась за ручку.

Холодный металл под пальцами — и в этот самый миг что-то во мне взбунтовалось. Не мысль даже, а что-то раньше мысли, из живота, из позвоночника. Тот самый инстинкт, что вытаскивал меня целой из сотни ситуаций, в которых нормальные девочки застревали.

Не открывай.

Я застыла с рукой на ручке, и голова наконец включилась, догнала тело.

Ну подумай. Просто подумай хоть раз, прежде чем сделать глупость. Кто приходит в 5:45 утра? Кто говорит с тобой через дверь так спокойно, будто у него всё время мира, — при том что мои родители за стеной только что тряслись перед ним, как школьники перед директором? Я ни разу в жизни не видела, чтобы отец перед кем-то унижался. А тут — «пожалуйста», «возьмите деньги», «оставьте её». Оставьте меня. Значит, речь была обо мне.

За мной пришли. Вот что это значит.

И этот человек за дверью знал моё имя. Знал, что я хочу сбежать из дома. Знал даже, что я не сплю и что сердце у

меня колотится, — я же ни звука не издала, откуда ему было это знать? От таких мыслей по коже поползли мурашки.

Люди, которые желают тебе добра, не выламывают тебя из постели затемно. Не договариваются сначала с твоими родителями, будто ты — вещь, которую можно передать из рук в руки.

Кем бы он ни был, он пришёл забрать меня. А я слишком долго и слишком тяжело училась не даваться в руки тем, кто хочет решать за меня, чтобы теперь послушно повернуть эту дурацкую ручку.

Правило номер один, выученное в этом доме кровью: никогда не иди навстречу тому, кто загнал тебя в угол.

Я убрала руку с ручки. Медленно. Тихо. Отступила на шаг, спиной вперёд, не отрывая глаз от двери, будто она могла броситься на меня.

И развернулась к окну.

Второй этаж. Смешно — сколько ночей я спускалась по этой газовой трубе, лишь бы не идти через комнату, где пьяные «гости» отца тянули ко мне руки. Труба стала мне роднее собственной кровати. Руки сами помнили каждый ржавый стык, каждый выступ. Кто бы знал, что однажды она спасёт меня по-настоящему.

Я подкралась к окну, вжикнула шпингалетом — тихо, как могла, — и толкнула створку. Ноябрьский холод рванулся в комнату, обжёг лицо, забрался под тонкую футболку. Внизу серел пустой двор.

За спиной ручка двери повернулась до конца.

Я уже перекидывала ногу через подоконник.

— Вероника. — Голос по ту сторону вдруг изменился. В нём больше не было той жуткой мягкости — было что-то живое, рванувшееся, почти отчаянное. — Не надо.

На одну секунду — всего на одну, глупую, необъяснимую секунду — мне захотелось остановиться. Что-то потянуло меня назад, к этому голосу, будто крючком за грудину. Будто там, за дверью, было что-то моё.

Я до сих пор не знаю, что это было. Тогда я списала на страх.

А потом за спиной раздался треск.

Не скрип, не стук — треск, с каким ломается не замок, а вся дверь целиком, будто её снесло грузовиком. От этого звука во мне не осталось никаких сомнений и никаких «а вдруг». Люди так двери не открывают. Люди так вообще ничего не делают.

Я прыгнула.

Труба, скользкая от изморози, обожгла ладони. Вниз, наугад, до козырька подъезда — и оттуда в пустоту. Мёрзлая земля ударила в ступни так, что боль прошла до самых зубов. Где-то надо мной, в моей бывшей комнате, тяжело хлопнуло — раз, другой, будто там метался кто-то очень большой.

Я не стала смотреть вверх.

Я вскочила и побежала — через двор, под арку, в стынувший рассветный город, в одной футболке, босиком, с коло-

тящимся где-то в горле сердцем. Бежала, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этого дома, от этого голоса, от того, что ломает двери одним ударом.

У меня не было ни денег, ни телефона, ни куртки. Ни единого человека во всём городе, к кому можно было бы прийти в шесть утра и сказать: спрячь меня.

Восемнадцать лет я мечтала сбежать из этого дома.

И вот я бежала — только совсем не так, как представляла. И бежала, как выяснится очень скоро, прямым не от беды, а в самую её середину.

Глава 4. То, чего не должно было быть

Дамиан

Комната была пуста.

Я стоял на пороге сорванной с петель двери и смотрел на то, что осталось от восемнадцати лет чужой жизни. Продавленная кровать. Обои, ободранные до штукатурки. Детский рисунок, приклеенный скотчем к стене, — солнце, дом, три кривые фигуры, взявшиеся за руки. Семья, которой у неё никогда не было. И распахнутое настежь окно, в которое билась бьющаяся на ветру занавеска.

Она ушла в окно. Пока я, как последний глупец, уговаривал её через дверь.

Я подошёл, оперся ладонями о подоконник. Внизу, во дворе, ещё таял в сером рассвете её след — тонкая цепочка босых отпечатков по инею, через арку, в город. Я мог догнать

её в три прыжка. Одно движение — перемахнуть подоконник, обратиться в полёте, и она была бы моя.

Я не двинулся.

Потому что если бы я настиг её сейчас — зверем, в чужом дворе, у неё на глазах, — я стал бы для неё тем самым кошмаром, от которого она всю жизнь училась убегать. Она и так неслась босиком по мёрзлому асфальту, лишь бы подальше от меня. Нет. Что угодно, только не так.

Впервые за много лет альфа, перед которым склоняют голову взрослые волки, стоял и смотрел, как единственное, что дала ему судьба, растворяется в чужом городе. И ничего не мог сделать.

Её запах ещё держался в комнате — тёплый, живой, мой. Я закрыл глаза и вдохнул его, как вдыхают перед долгой дорогой. И вот тогда, в тишине, снова поймал то, что зацепило меня ещё под дверью и что я сгоряча пропустил.

Отголосок.

Слабый — до того слабый, что я сам себе не поверил. Тонкая, едва тлеющая нить чего-то, чего в человеке быть не может. Волчьего. Будто где-то очень глубоко, под слоями чужих чар и чужого запаха, спал зверь — и спал так крепко, что даже не ворочался во сне.

В ней был волк.

Я замер. Это невозможно. Я стоял в этой квартире четверть часа назад, я говорил с теми, кто называл себя её родителями, — и оба они были люди. Обычные, до последней

клетки, без даже намёка на вторую ипостась. Я бы почувствовал волка в них раньше, чем они открыли рот; так же, как чую сейчас его в ней. У волков не рождаются человеческие дети, а у людей — волчата.

Значит, эти двое ей не родители.

Мысль ударила и встала намертво. Не приёмная забота, не тайна усыновления — что-то куда глубже. Её у кого-то забрали. Или спрятали. И спрятали так умело, что за восемнадцать лет ни одна живая душа не учуяла в ней того, что чуял сейчас я.

И тут меня прошиб холод. Потому что я понял, почему чую это только я.

Ни один волк на свете не различил бы в ней зверя. Её запах был безупречно, неотличимо человеческим — чья-то работа, тонкая и злая. Но истинную пару не обманешь ничем. Наша связь древнее любых чар. То, что скрыто от целого мира, мне она шепнула с первого вдоха: *я тоже. Просто не знаю об этом.*

Я осел на край продавленной кровати, сжав голову руками.

Тридцать один год. Тридцать один год я хоронил в себе всякую надежду на истинную. Смотрел, как седеют и пустеют одинокие волки в моей стае — те, кто не нашёл, и те, чью половину забрала смерть раньше встречи. Убеждал себя, что мне такого счастья не выпадет, и почти этому радовался: у альфы и так слишком много слабых мест, чтобы заводить

ещё одно, самое уязвимое.

А потом одна девчонка с городской окраины открыла — почти открыла — дешёвую дверь, и вся эта броня осыпалась в труху.

Мой волк рвался за ней с той секунды, как она перекинула ногу через подоконник. Он и сейчас скулил во мне, царапался изнутри, требовал одного: найти, догнать, укрыть, не отдавать никому. Её запах горел у меня под кожей, как клеймо. Я хотел стоять между ней и всем миром. Хотел, чтобы она никогда больше не мёрзла, не голодала, не спала, подперев дверь стулом. Хотел дать ей всё, чего у неё не было ни единого дня, — и я, чёрт возьми, мог.

И надо же было ей появиться именно сейчас.

В худший, самый чёрный час, какой только знала моя стая. Каррен дышит нам в затылок, границы горят, свои начинают коситься на мою силу. А теперь у меня есть то единственное, что можно у меня отнять. И судьба положила это сокровище ровно на середину поля боя.

Но не это грызло меня сильнее всего.

Сильнее всего было — её. Восемнадцать лет она прожила в этой вони, среди пьяни и страха, считая себя ничтожеством, обузой, никому не нужной, — и всё это было ложью. Ложью! Она — не пустое место. Она — то, о чём волки славают легенды и молят луну. А её держали в клетке из чужих чар и заставляли верить, что она мусор.

Она пропустила свой оборот. В четырнадцать её волчица

должна была впервые вырваться на волю — а вместо этого спала, запертая, под замком. Каждый лишний год без первого оборота — это год, украденный у зверя. Ещё немного — и её волчица могла угаснуть навсегда, так ни разу и не вдохнув полной грудью. Внутри у меня всё сжималось от одной этой мысли. Ребёнок, которого обокрали даже на него самого.

Кто ты, девочка? Из чьей стаи? Кто бросил тебя людям и почему?

Я не знал. Пока не знал.

Но я собирался узнать всё. И найти тебя раньше, чем это сделает Каррен.

Я поднялся. За спиной, в коридоре, всё ещё жались к стене двое людей, называвших себя её семьёй, — бледные, трясущиеся, вцепившиеся друг в друга. Я обернулся медленно, и мужчина захлебнулся на полуслове.

— Вы расскажете мне всё, — сказал я тихо. — Откуда она у вас. Кто её принёс. Каждое слово. И молитесь, чтобы я поверил.

Мужчина открыл рот — и в этот самый миг телефон в моём кармане завибрировал.

Рэй. В такой час он звонит только по одному поводу.

Я поднёс трубку к уху, не сводя глаз с людей у стены.

— Говори.

Голос беты был ровный — тем особенным ровным, каким он говорит, когда всё плохо.

— У нас гости в городе, — сказал Рэй. — Трое, может,

больше. Пришлые. Я взял их запах у старого моста. — Пауза. — Дамиан, это люди Каррена. И они не по наши души пришли. Они кого-то ищут.

Я смотрел на распахнутое окно, на тающую цепочку босых следов во дворе.

Они уже здесь.

А она — где-то там, одна, босиком, в стынущем городе, не зная ни кто она, ни что за ней идёт по пятам сама смерть.

— Поднимай всех, — сказал я. — Немедленно.

* * *

Слова автора.

Он не знал тогда и малой доли правды. За тем, кто она и откуда, тянулась история куда длиннее и темнее, чем он мог вообразить в то стылое утро, — но её час ещё не пришёл. Дамиан не знал даже её фамилии.

Он знал одно: где-то в просыпающемся городе идёт, обхватив себя руками от холода, самое драгоценное и самое опасное существо на свете. Его. И не только его — потому что тот же слабый, едва пробившийся след, что привёл к ней его, учуяли теперь и другие. Те, кому она нужна не живой и любимой, а сломленной и покорной.

Гонка началась. И у Вероники, которая всё ещё думала, что убегает от одного лишь странного незнакомца, было куда меньше времени, чем у кого-либо из них.

Глава 5. Город

Вероника

Я бежала, пока хватало сил. А когда силы кончились, меня нагнал холод.

Он всё это время ждал, пока во мне выгорит адреналин, — и, дождавшись, вцепился разом. В спину под тонкой футболкой, в голые руки, в лицо. Но хуже всего было ногам. Босым ступням по мёрзлому асфальту. Сначала жгло, потом кололо тысячей игл, а потом я вдруг перестала их чувствовать вовсе — и это напугало меня сильнее всего. Про отмороженные пальцы нам рассказывали на ОБЖ, между зевками.

Город просыпался, не обращая на меня внимания. Загорались окна. Дворник шкрябал лопатой по льду. Прошла тётка с собачкой, скользнула по мне взглядом — босая девка в футболке в шесть утра — и ускорила шаг, будто я заразная. Никому нет дела. В этом городе до тебя никогда никому нет дела; я знала это с детства, но одно дело знать, а другое — стоять посреди улицы, отморозив ноги, и чувствовать это всей кожей.

А в голове, по кругу, крутились два слова. Отцовские.

Забирайте её.

Не «не трогайте мою дочь». Не «только через мой труп». Забирайте её — как выносят на помойку старый диван, лишь бы освободить угол. Одни проблемы от неё. Скатертью дорога.

Я всегда знала, что не нужна им. Но одно дело — знать это тихо, годами, а другое — услышать вслух, в шесть утра, из

уст родного отца, когда над тобой нависла непонятно какая беда. Это как наступить в темноте на ступеньку, которой нет: вроде готовился, а всё равно ухаёт под дых.

Так. Хватит. Жалость — роскошь, а у меня её нет. Разрежь потом, если будет когда.

Первое правило выживания я усвоила лет в десять: сначала не сдохни, потом думай. А чтобы не сдохнуть, мне сейчас нужны были две вещи — тепло и хоть что-нибудь на ноги.

Тепло нашлось быстро. Кодовые замки в этом районе я вскрывала одним пальцем ещё в средних классах, а где не выходило — дожидалась, пока кто-нибудь выйдет, и придерживала дверь. Я юркнула в первый попавшийся подъезд, влезла на батарею у окна между этажами и минут десять выла сквозь зубы, пока кровь возвращалась в ступни. Больно было до слёз. Хорошо. Больно — значит, живая.

Дальше нужна была экипировка. Через два двора стоял серый железный контейнер для старой одежды — «Помоги нуждающимся». Сегодня нуждающейся была я. Крышка приёмника болталась на одном креплении: кто-то уже лазил до меня. Я закатала рукав и стала выуживать из холодного тряпочного нутра всё, до чего дотягивалась. Мужские кроссовки на три размера больше, зато целые. Пять пар носков — натянула все разом, чтобы нога не болталась. Свитер с оленем. Куртка, в которой я утонула по колено, зато с капюшоном. Даже шапка — детская, с помпоном, дурацкая до слёз. Плевать. Оделась прямо во дворе и впервые за утро переста-

ла стучать зубами.

В тёмном стекле чужой машины на меня глянуло пугало огородное. Ходячая куча секунда с чужого плеча.

Живое пугало. Это главное.

Знаете, что смешнее всего? Я ведь всю жизнь только это и делала — выживала на том, что дадут чужие. Соседкины обноски. Пирожок за перетасканные ящики. Куртку из контейнера. От родного дома мне не досталось ни рубля, ни доброго слова, ни разу — а чужие люди, сами того не зная, одевали и кормили меня по мелочи с самого детства. Мир, если разобраться, был ко мне добрее, чем те двое, что называли себя моими родителями.

И вот тут, во дворе, натягивая дурацкую детскую шапку, я снова упёрлась в вопрос, от которого не было спасения всю мою жизнь.

Почему?

Почему именно они? Почему меня — им? Другим детям доставались мамы, которые дули на разбитую коленку и проверяли, тепло ли ты оделся. А мне — вечно красное отцовское лицо и потухшие материны глаза, которым было всё равно, жива я или нет. Я перебирала это тысячу раз. В детстве думала: наверное, я плохая. Наверное, если стану тихой, удобной, полезной — научусь не мозолить глаза, приносить деньги, не просить лишнего, — они меня наконец полюбят. Я старалась. Мыла посуду, пока они гуляли. Не плакала, когда забывали про день рождения. Приносила первые зарабо-

танные копейки. Не помогло ни разу. Годам к двенадцати я перестала стараться и просто научилась быть невидимой. Так меньше больно.

Но вопрос никуда не делся. Он тлел все эти годы, как уголёк под золой.

Иногда — я никому бы в этом не призналась — мне лезла в голову совсем уж дикая мысль. Что я тут чужая. Что не может у таких людей родиться такая, как я: злая, упрямая, вечно рвущаяся куда-то, ни лицом, ни нутром на них не похожая. Я гнала эту мысль каждый раз. Куда мне ещё было деться, от кого ещё взяться. Глупости.

А сегодня отец сказал «забирайте её» — так легко, будто всю жизнь только и ждал, когда придёт кто-нибудь и заберёт. И уголёк под золой полыхнул с новой силой.

Кто я вообще такая, что за мной приходят чужие мужчины на рассвете? «Чья она», сказал тот, за дверью. «За ней придут». За кем — за мной? За мной, которая всю жизнь донашивала соседкины куртки и дралась со старшеклассниками за право не прогибаться? Что во мне может быть такого, ради чего врываются в дом и ломают двери?

Ответа не было. И это пугало сильнее холода.

Домой нельзя — это даже не обсуждалось. Там либо тот, кто выносит двери плечом, либо, если его уже нет, он вернётся, потому что знает адрес. В школу нельзя: он знал моё имя, а вычислить по имени и адресу мой класс — дело пяти минут. Полиция? Я всю жизнь смотрела, как родители «до-

говариваются» с нарядом через порог, и знала цену этим людям в форме до копейки. Да и что бы я сказала — «ко мне в шесть утра пришёл вежливый мужчина и выломал дверь одним плечом»? Меня бы отправили к психиатру. Или, что хуже, обратно домой.

Друзья? Я перебрала в голове — и не нашла ни одного имени. Ни единой живой души во всём городе, к кому можно прийти и сказать: спрячь меня, не спрашивай. Я всю жизнь никого к себе не подпускала — так безопаснее, так меньше боли. И теперь эта безопасность обернулась звенящим, абсолютным одиночеством. Сама себе вырыла.

Оставалось одно: двигаться. Не стоять, не светиться, слиться с городом и переждать — пока не пойму, что вообще происходит.

И всё же — вот за это я себя ненавидела — в самые холодные, самые пустые минуты того дня меня нет-нет да и тянуло назад. К той двери. К тому спокойному голосу, который вдруг сорвался и сказал: «Не надо». Как будто там, за дверью, было что-то... моё. Единственный человек за всё утро, в чьём голосе, когда я уходила, слышалось не облегчение, а боль. Бред, конечно. Замёрзла до галлюцинаций. Я гнала и эту мысль тоже.

День я кое-как перетянула на людных местах — рынок, торговый центр, метро: там тепло, там толпа, там девчонку в чужой куртке никто не разглядывает. У одного лотка помогла продавщице перетаскать ящики с мандаринами, и она,

не спрашивая ничего, сунула мне горячий пирожок и стакан чая. Лучшая еда в моей жизни, честное слово. Я растянула её на час и всё думала: вот чужая баба с рынка отнеслась ко мне теплее, чем родная семья за восемнадцать лет.

Но день кончился. Они всегда кончаются.

К вечеру ноябрьский город меняется. Гаснут витрины, закрываются тёплые двери, схлынывает толпа, в которой так удобно прятаться. Остаются фонари, ветер и те, кто выходит именно в этот час. Меня понемногу сносило — из светлого центра к вокзалу, где под крышей можно пересидеть ночь и где всегда толчётся народ. Я убеждала себя, что там безопаснее. Там свет. Там люди.

Я не подумала, какие именно люди коротают ночь на вокзале. И кто на них там охотится.

Я сидела на жёсткой скамье в углу зала ожидания, подтянув колени к груди, и почти задремала под гул объявлений о поездах, когда затылком поймала это чувство.

То самое.

Как утром, у двери. Как у зверя, спиной почувывшего чужой взгляд.

Я подняла голову медленно, стараясь не выдать, что заметила.

У колонны, метрах в десяти, стоял мужчина. Высокий, в тёмном, руки в карманах. Он не смотрел на табло, не встречал поезд, не листал телефон. Он смотрел на меня. Прямо, не отводя глаз, спокойно — так же спокойно, как тот, за две-

рю. И когда наши взгляды встретились, он не отвёл своего, как отводят нормальные люди, застигнутые врасплох.

Он чуть склонил голову набок. И улыбнулся.

А потом достал телефон, поднёс к уху — и заговорил, не сводя с меня глаз. Будто докладывал кому-то. Будто говорил. Нашёл.

Ноги сами оторвали меня от скамьи.

Глава 6. Погоня

Вероника

Ноги подняли меня со скамьи раньше, чем я решила бежать.

Не беги. Только не беги. Бегущего видно за сто метров. Я вцепилась в эту мысль, как в поручень, натянула капюшон на самые брови, спрятала руки в рукава и пошла — быстрым, деловым шагом, как ходят те, кто опаздывает на поезд, а не те, кто спасает свою шкуру. Внутри всё выло: беги, беги, беги. Я держала шаг. Держала, хотя колени стали ватными и подгибались на каждом втором.

Его взгляд лежал у меня между лопаток. Тяжёлый, липкий, тёплый, как чужая ладонь. Я не оборачивалась. Пока он думает, что я его не срисовала, у меня есть фора. Секунды. Только они у меня и были — жалкие секунды, и я чувствовала, как они утекают одна за другой.

Зал ожидания плыл мимо в жёлтом больном свете. Спящий мужик с газетой на лице. Бабка с клетчатými баулами.

Двое солдатиков, уткнувшихся в телефон. Все такие обычные, такие живые, такие занятые собой — и ни одному нет до меня дела. Крикни я сейчас — обернутся, посмотрят, отведут глаза. Так уже было всю мою жизнь. Никто не придёт. Никто никогда не приходит.

Впереди засветился главный выход — широкие стеклянные двери, а за ними чёрная площадь, фонари, спасительная темнота, в которой можно раствориться. Двадцать шагов. Пятнадцать. Я прибавила, сердце подскочило к горлу — почти, почти —

Второй стоял у самых дверей.

Плечом привалился к косяку, руки в карманах, и лениво оглядывал зал — спокойно, сыто, зная, что торопиться некуда. Он стоял ровно между мной и улицей. Между мной и жизнью.

Меня будто окатили ледяной водой. Ноги приросли к полу, и я едва не встала посреди зала — а вставать было нельзя, встать значило выдать себя с головой. Я заставила себя не сбиться с шага, плавно повела в сторону, будто и не к дверям шла вовсе, а к расписанию на стене. Внутри всё обвалилось.

Двое. Они держали выход.

Один — это псих, от психа я бы ушла. Двое, спокойные, поделившие зал, перекрывшие двери, — это не случайность. Это по правилам. По каким-то своим страшным правилам, которых я не знала. За мной охотились всерьёз, и я даже не понимала за что.

За ней придут.

Пришли.

Думай. Ну думай же. Я знала этот вокзал — пряталась тут от дождя, ночевала однажды. Главный выход перекрыт. Значит, вниз, к платформам, через подземный переход есть служебная дверь во двор, к путям. Только бы успеть туда раньше, чем они поймут, куда я.

Я нырнула в лестничный пролёт, ведущий на нижний уровень.

И сзади сразу изменился ритм шагов.

Ускорились. Двое. Они больше не притворялись, что просто гуляют. Значит, срисовали. Значит, всё.

Вот теперь я побежала.

Через две ступеньки, хватаясь за ледяные перила, огромные чужие кроссовки съезжали с пятки и норовили слететь, и я на ходу поджимала пальцы, чтобы не потерять их совсем. Внизу — подземный переход, длинный, гулкий, пустой. Мигающая лампа. Мокрый бетон, лужи, вонь сырости. Мои шаги били по стенам эхом и выдавали меня всю, и их шаги за спиной тоже били эхом, ближе, ближе, и я уже не понимала, где мои, а где чужие. Я не оборачивалась. Оборачиваться некогда.

Дверь. В тупике перехода — железная дверь, «Посторонним вход воспрещён».

Я влетела в неё грудью, дёрнула ручку.

Заперто.

Сердце ухнуло куда-то в живот. Нет. Нет-нет-нет. Я дёрнула снова, рванула на себя всем весом — без толку. За спиной эхо шагов накатывало волной. Оставались секунды, и я их тратила на дверь, которая не открывалась. Паника залила глаза белым. Я забарабанила ладонями по железу, а потом — сама не знаю, откуда взялось, — навалилась плечом и ударила бедром рядом с замком, раз, ещё, зло, отчаянно, и на третьем ударе разболтанный язычок с лязгом выскочил из гнезда, и дверь распахнулась внутрь.

В лицо ударил ледяной ветер и запах мазута, ржавого железа, зимней ночи.

Я вывалилась наружу, на узкую бетонную площадку над рельсами, и захлопнула дверь за собой. С этой стороны ручки не было. Секунд десять форы. Может, меньше.

Передо мной в темноте лежал грузовой двор — огромный, чёрный, залитый редким рыжим светом фонарей на далёких столбах. Мёртвые ряды вагонов и цистерн. Штабеля контейнеров, как великаны кубики, уходящие во тьму. Где-то там, за ними, забор, а за забором — спальный район, окна, люди, спасение. Далеко. Слишком далеко.

В дверь за спиной глухо, тяжело ударили.

Я спрыгнула на щебень и побежала.

Бежать в кроссовках на три размера больше по обледенелому щебню между шпал — это не бег, это падение, растянутое во времени. Ноги разъезжались. Щиколотки подворачивались на рельсах. Дурацкая куртка путалась в коленях и

била по ногам. Каждый вдох резал горло, как битым стеклом, дыхание вырывалось белыми клубами и висело в воздухе, показывая, где я. Я перепрыгивала рельсы, оскальзывалась на промасленных шпалах, хваталась за ледяные бока вагонов, чтобы не расшибиться, и всё ждала, что вот сейчас сзади схватят за шиворот.

Дверь позади с треском поддалась.

Я не обернулась, но услышала: они выкатились во двор — не топотом, не криком, а тихо, деловито — и рассыпались. Не побежали за мной кучей. Разошлись веером, чтобы отрезать. Как на охоте. Они и охотились. И знали, как это делается, куда лучше, чем я знала, как убегать.

Я нырнула в проход между двумя контейнерами, в глухую темноту, куда не доставал свет, и вжалась спиной в холодное железо. Зажала рот обеими ладонями. Только не дышать так громко. Только не выдать.

Тихо. Где-то далеко лязгнул, тронулся товарный состав, тяжело загудел. И под этот гул — хруст щебня. Шаги.

Медленные. Уверенные. Совсем близко, по ту сторону контейнера. Кто-то шёл вдоль ряда, не спеша, зная, что спешить некуда, что я в западне между железных стен.

Я перестала дышать совсем. Перед глазами поплыли чёрные пятна. Сердце колотилось так, что казалось — его слышно за десять метров, что оно само меня выдаст.

Шаги замерли.

Он стоял прямо за стеной. В полуметре. Я слышала его

дыхание — ровное, сытое. Слышала, как скрипнула кожа перчатки.

— Ну хватит, — сказал он негромко, почти ласково, и от этой ласковости у меня всё оледенело внутри. — Ноги себе переломаешь в этом железе. Выходи, тебя никто не тронет. С тобой просто хотят поговорить.

Я вжималась в контейнер и молилась всему на свете, чтобы стать плоской, стать тенью, исчезнуть. Слезы текли сами, беззвучно, я даже не заметила, когда начала плакать. Восемнадцать лет я дралась и не давалась — а сейчас стояла, зажав себе рот, маленькая и мокрая от ужаса, и ничего, ничего не могла сделать против этого спокойного голоса в темноте.

И в этот самый миг, там, глубоко внутри, где всю жизнь была только пустота, вдруг что-то шевельнулось. Тёплое, тяжёлое, живое. Открыло один глаз. И тихо, беззвучно оскалилось: *не смей. Не смей быть добычей.*

Я не поняла, что это. Не было времени понимать.

Товарный состав на дальнем конце двора набрал ход и загрохотал во всю мощь — колёса, лязг, стальной рёв, — и на несколько секунд этот грохот накрыл всё, и мои шаги в том числе. Другого шанса не будет.

Я сорвалась с места.

Не думая, куда — лишь бы прочь от голоса, в темноту, вглубь лабиринта. Он рванул следом сразу — я услышала за спиной короткое злое рычание сквозь зубы, уже без всякой ласки, — и его рука цапнула воздух там, где секунду на-

зад была я, поймала полу необъятной куртки. Куртка дёрнула меня назад, за горло, я захрипела — и рванулась вперёд из последних сил, выдираясь из неё, как зверь из капкана. Треснула ткань. Я вылетела из куртки, оставив её у него в кулаке, и понеслась дальше в одном свитере, на морозе, но свободная.

— Стой! — рывкнули сзади. И ещё чьи-то шаги — сбоку. Их было уже двое. Меня гнали.

Забор вынырнул из темноты внезапно. Высокий, ржавый, с загнутым верхом. Я знала — надо искать лаз, где-то всегда есть отогнутый угол, дыра. Искать было некогда. Я с разбегу вцепилась пальцами в холодную сетку и полезла вверх, прямо так, в лоб.

Звенья резали ладони. Кроссовки соскальзывали с проволоки, я срывалась, повисала на руках, лезла снова, обдирая пальцы, и всхлипывала сквозь зубы от боли и страха. Забор ходил ходуном. Внизу подо мной кто-то тряхнул сетку так, что я едва не сорвалась, — рука схватила меня за лодыжку, за огромный кроссовок, дёрнула вниз. Я забилась, лягнула наугад, кроссовок соскользнул с ноги и остался у него в руке, а я перевалилась через острый загнутый верх, разодрав штанину и бедро о торчашую проволоку, и рухнула по ту сторону в грязный обледенелый сугроб.

Воздух вышибло из лёгких. Мир на секунду погас.

Забор надо мной гудел и трясся. За сеткой в темноте матерились в голос, дёргали проволоку — но лезть следом, туда,

где начинались освещённые окна и спящие люди, они не стали. Замерли по ту сторону, как псы у черты, которую нельзя переступать.

Не здесь. Не под окнами. Гнать меня по ночному переходу и пустому грузовому двору — одно, там нет никого, кто увидит и вызовет полицию. А тащить упирающуюся девчонку через двор, где в любую секунду может распахнуться форточка и заорать бабка, — совсем другое. Шума и свидетелей они себе позволить не могли. Вот где была моя черта спасения — не темнота, а люди.

Я не стала ждать, пока они передумают. Поднялась — один кроссовок потерян, нога в мокром носке тут же обожгло холодом, бедро горело, ладони горели, — и, хромя, побрела прочь, в спасительный лабиринт спящих девятиэтажек. Не оглядываясь. Не разбирая дороги. Лишь бы дальше, дальше от этой сетки.

Только зайдя дворами за три дома, я привалилась к ледяной стене подъезда — и меня наконец затрясло по-настоящему. Всё разом: холод, ужас, боль. Изрезанные ладони, разорванное бедро, один кроссовок, мокрый свитер, дурацкая детская шапка, чудом уцелевшая на голове. Меня выворачивало от адреналина, зубы стучали так, что было не сжать челюсти.

Ушла. На этот раз ушла.

Но легче не становилось. Потому что где-то там, в темноте, из которой я только что выползла, остались люди, кото-

рые расставляют посты у выходов, гонят добычу по грузовому двору, как по учебнику, — и при этом не могут позволить себе ни шума, ни свидетелей, ни полиции. Двое мужчин, стоящих на вокзале, — это никто, пустое место, на них никто и не глянет. А вот похищение под окнами — это крик, звонки, мигалки. Они боялись не чужих глаз вообще. Они боялись, что их застукают за делом. Не подонки. Не грабители. Целая сила, о которой я ничего не знала и которая почему-то захотела заполучить меня — восемнадцатилетнюю никому не нужную девчонку в чужих обносках.

И эта сила никуда не делась. Она была где-то рядом, в ночи, и искала меня. Прямо сейчас.

Одну ночь я, может, продержусь. Может, две. А потом они меня достанут — эти, или те, что ломают двери одним ударом, — и никто, ни одна живая душа во всём городе даже не заметит, что меня не стало. Меня некому будет искать. Меня, кажется, вообще незачем искать — кроме них.

К горлу подкатило не злостью, а чем-то куда более страшным. Отчаянием.

Где-то глубоко, в той темноте, что открыла у контейнеров один глаз, что-то тихо, жалобно заскулило — будто и ему, неведомому, было так же страшно и одиноко, как мне. Будто и оно хотело одного: чтобы рядом наконец оказался кто-то большой, тёплый, сильный. Кто встал бы между мной и всем этим миром и сказал: всё, хватит бежать. Я тебя больше никому не отдам.

Такого никогда не было. И не будет, одёрнула я себя. Не реви. Иди.

Я оттолкнулась от стены — и в этот момент в дальнем конце двора, из-за угла, медленно, без фар, вывернула машина. Тёмная. Тихая. Она не ехала — она кралась, катилась вдоль спящих подъездов почти на холостом ходу, будто кого-то высматривала.

Я вжалась в тень за мусорными баками и перестала дышать.

Машина ползла. Ближе. Ближе.

Глава 7. Темнота

Вероника

Машина ползла. Ближе. Ближе.

Я вжалась в узкую щель между мусорными баками и мокрой кирпичной стеной, подтянула колени к груди, стала маленькой, ещё меньше, совсем ничем. Баки воняли гнилью и мёрзлыми отбросами. Я вцепилась зубами в собственный рукав, чтобы не выдать себя ни звуком — ни всхлипом, ни стуком зубов, которые колотились сами собой.

Фары не горели. Вот что было страшнее всего. Нормальные люди не ездят по дворам ночью с погашенными фарами, крадучись, на холостых оборотах. Тёмный силуэт машины полз вдоль спящих подъездов медленно-медленно, останавливаясь у каждой арки, будто внутри кто-то вглядывался в темноту. Искал.

Меня.

Я не знала, кто это. Те, с вокзала, — успели обойти двором? Или тот, что ломает двери? Или кто-то ещё, третий, о ком я даже не подозревала? Я вообще уже ничего не знала — только то, что за один этот бесконечный день за мной пришло больше людей, чем за все восемнадцать лет было тех, кому я хоть немного была нужна. Горькая, дурацкая мысль. Не ко времени.

Машина поравнялась с моими баками.

И остановилась.

Двигатель тихо урчал в метре от меня. Я перестала дышать совсем. Сердце билось так, что, казалось, вся эта железная коробка ходит ходуном от его ударов. Внутри, в салоне, — я не видела, но чувствовала — кто-то сидел неподвижно и смотрел в темноту двора. Прямо туда, где пряталась я.

Секунда. Две. Целая вечность.

Щёлкнула дверная ручка.

Этого хватило. Тело решило за меня — как решало весь день, как решало всю жизнь. Я сорвалась с места раньше, чем скрипнула открываемая дверь.

Ноги почти не слушались. Один кроссовок я потеряла ещё у забора, и голая, в мокром носке, ступня при каждом шаге взрывалась болью от ледяного асфальта. Бедро, распоротое о проволоку, горело. Изрезанные ладони горели. Я неслась через двор вслепую, не разбирая дороги, — мимо детской площадки с обледенелой горкой, между припаркованными

машинами, под бельевыми верёвками, — и сзади уже слышала, как хлопнула дверца, как чьи-то шаги ударили по асфальту, быстрые, тяжёлые, догоняющие.

— Стой! — крикнули вслед. Голос был не тот, что за дверью, и не ласковый, как у забора. Новый, чужой, злой. Но я не оборачивалась и не вслушивалась. Все они хотели одного — меня. И я бежала.

Только бежать было уже нечем.

Тело кончилось. Целый день на ногах, без сна, без еды, гонка на вокзале, забор — всё навалилось разом и потянуло к земле, будто кто-то сел мне на плечи. Лёгкие горели, каждый вдох выходил со свистом и не приносил воздуха. Ноги наливались чугуном, слушались всё хуже, разъезжались на льду. А шаги за спиной не отставали — наоборот, я слышала их всё ближе, ровные, тяжёлые, неутомимые. Слышала уже чужое дыхание. И оно было спокойным. Он не выдыхался. Он просто шёл за мной и ждал, когда выдохнусь я.

А я выдыхалась.

Ещё двор. Ещё арка. Оторвусь за тем углом, там снова проходной двор, там — я не додумала. Сзади свистнуло в воздухе, я спиной почуяла рывок, чьи-то пальцы скользнули по волосам, по самым кончикам, чудом не поймав, — и от одного этого ужаса меня будто подбросило, последние капли сил выплеснулись в отчаянный рывок вперёд.

Зря. В темноте, вслепую, на подгибающихся ногах я её не увидела.

Низкую металлическую ограду вдоль газона — те дурацкие крашенные дуги на уровне колена, что натканы по всем дворам. Нога с разбегу влетела в неё голенью. Железо не поддалось. Поддалась я.

Мир опрокинулся. Я знала это ощущение полёта — уже падала сегодня, с забора, — но там внизу был сугроб.

А здесь был угол бетонного бордюра.

Выставить руки я не успела. Не успела ничего. Висок с размаху встретил что-то твёрдое, ледяное, острое — и внутри головы полыхнуло белым, оглушительно, во весь мир, без единого звука.

А дальше было хуже всего.

Я не отключилась сразу. Если бы. Я лежала щекой на ледяном асфальте, в звенящей белой пустоте, и не могла шевельнуться — ни рукой, ни пальцем, ничем. Тело предало окончательно, отказало, а сознание ещё цеплялось, ещё всё слышало. Слышало, как приближаются шаги. Спокойные. Неторопливые. Теперь уже незачем было спешить. Хруст снега — совсем рядом. Над собой, сквозь белую муть, я увидела, как наплывает тёмная тень, огромная, наклоняется ко мне, — а я не могла ни отползти, ни закрыться, ни закричать. Вот и всё, успела подумать я. Вот меня и взяли.

И только у самого края — когда белое уже схлопывалось в одну точку и гасло — до меня наплыл, будто из-под толщи воды, голос. Низкий. Надломленный. Он звал меня по имени. И почему-то в нём не было ни угрозы, ни той ласковой

лжи, что у забора, — в нём был ужас. Как у того, кто боится опоздать.

Чьи-то руки подхватили меня, оторвали от промёрзшей земли, прижали к чему-то большому, тёплому, живому. Мне уже было всё равно, чьи. Впервые за весь этот бесконечный, страшный день меня держали так, будто боялись уронить.

А потом не стало и этого.

Осталась только темнота.

Глава 8. Найти раньше

Дамиан

Она не приходила в себя всю дорогу.

Я гнал по ночным улицам так, как не гонял никогда, одной рукой на руле, другой — на её груди, у самого сердца. Чтобы чувствовать. Чтобы не пропустить тот миг, если оно вдруг сойдёт или замрёт. Она лежала на переднем сиденье, укутанная в мою куртку, маленькая, обмякшая, белая как снег, и висок у неё был в крови, запёкшейся тёмной коркой, и я говорил с ней всю дорогу — сам не помню что, — только чтобы не молчать. Только чтобы держать её здесь, на этом свете, за звук моего голоса.

Держись. Слышишь меня? Держись. Я тебя нашёл. Больше я тебя не отпущу.

А ведь ещё сутки назад я почти поверил, что не найду.

Город огромен. Вы не понимаете, насколько он огромен, пока не ищите в нём одного человека, у которого нет ни те-

лефона, ни карты, ни имени в системе, — одну девчонку, которая умеет исчезать, потому что училась этому всю жизнь. Я поднял всех. Рэй расставил патрули на всех вокзалах, у всех выездов из города, на всех рынках и в ночлежках. Мы прочёсывали район за районом. И всё без толку — потому что искать её по запаху было почти невозможно.

Она пахла человеком. Кто-то давным-давно позаботился об этом на совесть — стёр, замазал, спрятал её так, что даже мои лучшие следопыты водили носом по её следу и теряли его через два квартала. Для них она была никем, пустым местом, обычной прохожей в толпе таких же. Только я — один я во всём мире — ловил под этой человеческой пустотой ту тонкую, гаснущую нить, ради которой готов был перевернуть город. И даже я терял её. Снова и снова. Ветер, выхлопы, тысячи чужих запахов — и вот уже нет ничего, и я стою посреди чужого двора, как слепой, и не знаю, куда идти.

А стая в это время горела.

Каррен не ждал. Пока я мотался по городу за одной девчонкой, его волки жали на наши границы, прощупывали слабые места, резали наш скот, хозяйничали на нашей земле, как на своей. Свои роптали — я слышал это, даже когда мне не говорили в лицо. Альфа бросил стаю в самый опасный час и носится по городу за какой-то человеческой пигалицей. Рэй прикрывал меня как мог, но и Рэй однажды поймал меня за плечо и сказал прямо, как умеет только он: «Дамиан. Если ты угробишь стаю ради неё, ты не спасёшь ни её, ни стаю».

Он был прав. Он всегда прав. И я всё равно не мог остановиться. Не мог — и всё. Попробуйте объяснить голодному, почему ему не стоит хотеть есть.

Потому что она была моя. Единственная за тридцать один год. Единственная, может, за всю мою жизнь. Волк во мне не спрашивал разрешения у рассудка — он выл сутки напролёт, он рвал меня изнутри, он гнал вперёд, когда ноги уже не держали. Найти. Найти. Найти.

След мы взяли не её — врагов.

Это Рэй придумал, и это спасло всё. Раз мы не можем учуять её — давай учуем тех, кто её ищет. Люди Каррена не прятали свой запах; они и не думали, что кто-то идёт по ним. Мы сели им на хвост у старого моста, вели через полгорода — и они привели нас прямо к ней. К вокзалу. К грузовому двору, где ещё висел в воздухе её страх, её кровь на ржавой сетке, обрывок её куртки в чужом кулаке. Я опоздал туда на минуты. На жалкие минуты. И эти минуты стоили мне десяти лет жизни.

Дальше был двор. Спальный, тихий, спящий.

Я увидел её издалека — маленькую фигурку, что неслась из последних сил, спотыкаясь, теряя равновесие, — и увидел, как за ней, спокойно, уверенно, идут двое. Не бегут. Знают, что она вот-вот упадёт сама.

И она упала.

Я до сих пор вижу это, стоит закрыть глаза. Как она с разбегу влетает в дурацкую газонную оградку. Как летит. Как

её висок встречает бетон. Звук — я услышал этот звук через весь двор, сухой, короткий, страшный, — и во мне что-то оборвалось и рухнуло в пропасть. Я не помню, как оказался рядом. Не помню, как отшвырнул того, кто уже наклонялся над ней, как рычал им в лица так, что двое взрослых волков попятились в темноту, не решившись затеять драку под окнами, на виду. Помню только её. На ледяном асфальте. Не шевелящуюся.

Я упал рядом на колени и взял её на руки.

И вот тут меня накрыло по-настоящему.

Она ничего не весила. Понимаете? Ничего. Как будто я поднял не человека, а охапку тряпья, пустую одежду. Кожа ледяная, губы синие, дыхание такое слабое, что я ловил его щекой и не всегда находил. А под всем этим — под кровью, холодом, под её загнанным, еле бьющимся сердцем — я почти не почувствовал того, ради чего искал. Той нити. Её волчицы.

Она угасала.

Всю жизнь запертая, задавленная, брошенная без первого оборота, а теперь ещё и это — холод, голод, удар, — и волчица в ней истончилась до последней искры, до того тонкого мерцания, что вот-вот погаснет совсем. Я держал на руках свою истинную и чувствовал, как из неё по капле уходит то, что делало её ею. И не мог этого остановить. Впервые в жизни я, альфа, перед которым склоняются волки, не мог сделать ровным счётом ничего — только прижать её к себе по-

крепче и молить всё, во что не верил, чтобы она додержалась. Она бежала от меня. Это не отпускало. Весь этот день, всю эту ночь она бежала — от людей Каррена, да, но и от меня тоже. От своего собственного истинного, единственного во всём свете, кто хотел не взять её, а укрыть. Она смотрела в мою сторону и видела не спасение — она видела ещё одного хищника в темноте. И была права. Так уж вышло, что для неё я и был поначалу хищником. Эта мысль резала хуже ножа: та, кого я обязан оберегать, всем существом боялась меня. Я это заслужил — тем утром, у двери, когда сломал её мир и не сумел объяснить.

Ничего. Всё потом. Сначала — не дать ей умереть.

Я донёс её до машины, уложил, укутал, и погнал домой, в город, в свою квартиру — не в стаю, не в лес, туда, где безопасно, где стены, где нас не достанут. Одной рукой я держал руль, другой набирал Тею.

— Что бы ты ни делала — брось. — Голос у меня был чужой. — Ко мне. Сейчас. Девушка. Черепно-мозговая, переохлаждение, истощение. Без сознания. И, Тея... — я запнулся, и это она услышала, потому что я не запинаясь никогда. — Быстрее. Прошу.

Тея не задала ни одного вопроса. Тея — умница. Когда я внёс Веронику в квартиру и опустил на кровать, целительница уже раскладывала на столе свои склянки и инструменты.

Она работала долго. Молча. Я стоял над душой, и она ни разу не сказала мне отойти — знала, что бесполезно. Осмат-

ривала голову, зрочки, слушала сердце, грела ледяные руки, что-то вливала между синих губ по капле. А я смотрел на её лицо и по нему, по одному только лицу Теи, читал приговор раньше, чем она открыла рот.

Наконец она выпрямилась, вытерла руки и посмотрела на меня — прямо, без жалости, как она умеет.

— Плохо, Дамиан. Очень плохо. — Тея не из тех, кто подслащивает. — Сотрясение, тяжёлое, — от такого удара иные не встают. Переохлаждение. Обезвоживание. И это не за один день. Эта девочка голодала и не спала не сутки — она такой живёт, я по телу вижу. Организм на исходе. Он держался на одном упрямстве, а теперь упрямство кончилось.

Я молчал. Спросить главного я боялся.

— Она выживет?

Тея помолчала. И это молчание было хуже любого ответа.

— Не знаю, — сказала она честно. — Ближайшие дни решат всё. Если очнётся — будет жить. Если продержится и не уйдёт во сне... — Она не договорила. — Я сделала что могла. Дальше — она сама. И ты. — Тея глянула на меня искоса, чуть прищурясь. — Странно, кстати. Пахнет она человеком, чистым человеком, а по мне так за таких волки не рвут когти через полгорода. Кто она тебе, Дамиан?

Я не ответил.

Как объяснить целительнице, что под этим человеческим запахом гаснет волчица, которую не чует никто, кроме меня? Что эта ничего не весящая, полумёртвая девочка с окровав-

ленным виском — то единственное, что было послано мне за всю жизнь, и что если она уйдёт, то уйду и я, весь, до дна?

— Останься до утра, — только и сказал я. — На всякий случай.

Тея посмотрела на меня ещё раз, долго, и что-то поняла — она всегда всё понимает раньше, чем ей скажут. Кивнула. И оставила нас вдвоём.

Я придвинул стул к кровати, сел и взял её холодную, изрезанную ладонь в свои руки.

— Ну вот, — сказал я тихо, ей, спящей, не слышащей. — Теперь я никуда. Слышишь? Сколько бы ни понадобилось. Ты только дыши. Остальное я беру на себя.

Она не ответила. Только грудь под моей курткой едва заметно поднималась и опадала. Едва-едва.

И я остался.

Глава 9. Пять дней

Дамиан

Она не приходила в себя.

Дни и ночи слились для меня в одну бесконечную серую полосу без сна и без счёта времени. Я не уходил. Ни на час, ни на минуту дольше необходимого. Стул у изголовья кровати стал моим миром, сузившимся до одного слабого дыхания и одного едва слышного сердца, за которыми я следил так, как не следил ни за границами стаи, ни за собственной жизнью.

Стая осталась на Рэе. Он приходил раз в день, коротко докладывал, смотрел на меня, на неё, поджимал губы и уходил обратно — держать всё то, что я бросил. Каррен нагледел, границы горели, кто-то из молодых уже открыто спрашивал, где альфа и почему за него отдувается бета. Я слышал это как сквозь толщу воды. Впервые в жизни стая была для меня где-то там, далеко, а весь мир — здесь, на этой кровати, в этой бледной девочке, которая всё никак не хотела ни умирать, ни просыпаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.